

Михаил Сопин

ОБУГЛЕННЫЕ ВЕКОМ
1. ПЕРЕД СВЕЧАМИ ТРЕМЯ

Вологда
2005

В последние годы жизни поэт,
не удовлетворенный редакцией сборника
«Обугленные веком» (1995 г),
пересмотрел тексты, многое исправил.
Эта публикация – исправленное издание.

Татьяна Сопина.

СЛЕЗАМИ ОМЫТАЯ РУСЬ

Мы входили в жизнь без идеологических шор, с широко распахнутыми глазами от бомб 1941 года. Мои откровения не давались мне через лозунги и декреты.

Всегда через личные потери, через страдания. Мы искали в правителе высшего судию, а находили в рабе палача. Мы жаждали от сильного покровительства, а находили в слабом садиста. Мы искали в незнакомом друга, а находили в кровном враге... Мы собачьими глазами просили у общества участливой нежности, а общество обеспечивало нас ненавистью по высшей категории. Материнскую ласку, друга, любимую, свободу, пайку и махорку нам годами заменяла ненависть. Так было до тех пор, пока я не увидел, что ненависть плачет беспомощными глазами... Почему?

Потому что наша ненависть являла собой бесмысленную, щенячью форму самозащиты, рассчитанную на милосердие от обнаженной общественной дикости. Мы входили в мир без идеологических шор и уходим без иллюзий. Именно это укрепляет меня в убежденности: рано или поздно, при мне это произойдет или без меня, если ненависть способна заплакать покаянными слезами, Родина неизбежно обретет человеческий облик. Так думаю.

Над этим работаю.

Михаил СОПИН.

ПЕРЕД СВЕЧАМИ ТРЕМЯ

СОЛДАТАМ РОССИИ

Полвека снятся сны о битвах
Степных, метельных, дождевых...
Где я живой
Среди убитых
И неживой –
Среди живых.
От тягостного лжепричастья
Словес:
«Никто не позабыт!»
Кричу,
Но мне не докричаться:
Кровавым грунтом
Рот забит.
Но слышу без вести пропавших,
Их мысли шепчут ковыли:
«Что там за жизнь
У близких наших?
Ответь:
Не зря мы полегли?»
И я броском –
Назад от даты,
Туда,
Сквозь грязь,
По гужевым,
Где примут исповедь
Солдаты
И нарекут
Меня
Живым.

* * *

Оклеветан,
 Раздавлен,
 Оболган,
 Загнан обществом в клетку,
 Как зверь,
 Разве мало
 В пути своем долгом
 Пережил я
 Разлук и потерь?
 Пред свечами трепя,
 Пред свечами
 Мысль идет
 К своему рубежу.
 И гляжу я вокруг
 Без печали,
 Без проклятий,
 Незряче гляжу.

* * *

Нас гваздали будни и беды
 И лозунгов диких вранье
 За множество лет до Победы
 И столько же – после нее.
 Без слов, без гранат, без атаки,
 Вслепую – какая там связь! –
 Бежали на танки, под танки,
 Горящей землей становясь.
 По грунту над нами
 По ГОСТу
 Шеренги чеканят шаги.
 Живых вопрошают погости:
 «Россия! Над нами – враги?
 Чья форма на них, чьи медали?
 Не видно сквозь тяжесть земли...
 Скажи, чтобы здесь не топтали.
 Скажи, чтобы здесь не плевали.
 Мы сделали все, что могли».

ПЕХОТА

Снежит, дорожки заметая!
 Гляжу в себя –
 Не тот уж пыл:
 За полстолетнее скитанье
 О многом в жизни я забыл.
 Когда бродил босым по полю?
 Сидел в деревне у крыльца?..
 Но есть такое,
 Что я помню
 И буду помнить до конца:
 За сто шагов до поворота,
 Где Ворскла делает дугу,
 Далекой осенью
 Пехота
 С землей
 Смешалась
 На бегу.
 И стала тихой и свободной,
 Уйдя в прилужья и в поля
 Родной земли
 С преградой водной
 У деревеньки Тополя.
 Подбило память серой льдиной:
 Здесь не хозяин я, не гость.
 За все-про все –
 Надел родимой,
 Земли родной
 Досталась горсть.

* * *

Все поросло плакун-травой.
 Нет ни Информбюро, ни ТАССа.
 А я – больной, полуживой,
 Полурасстрелянный остался...
 Мои друзья – на той войне.
 Здесь мир не мой,
 Страна другая.
 Не страшно мне,

А пусто мне:
 Чужой я здесь, до содроганья.
 Бегу – в огонь из-под огня.
 Пить! Пить хочу...
 Красна водица!
 И понимаю – для меня
 Что умереть, что пробудиться!
 В каком году, в каком краю –
 Приговоренно, безысходно
 Средь павших без вести стою
 Один,
 Построенный повзводно.
 И снится мне, что я живой.
 Рассвет был мрачен и прохладен.
 И ветер почты полевой
 По голове меня погладил...

* * *

Зачем я это вспоминаю?
 Так жаждал верить
 В то, что есть
 Другая жизнь,
 Совсем иная!
 Да не про нашу, вышло, честь...
 Маразмом общества контужен,
 Я знаю фронт.
 Я помню быт!
 Солдат – герой,
 Пока он нужен.
 Война окончена –
 Забыт.
 Глухой безвыходностью заперт,
 Гляжу
 На истины фасад:
 Мы шли солдатами на Запад,
 Вернулись
 Пленными назад.

* * *

Звон погребальный
 Над родимым кровом,
 Голодным, заметенным добела!
 Чем я в ушедшем мире зачарован?
 О чем теперь гудят колокола?
 Дымов и выюг кочевые на Воронеж.
 Над Харьковщиной –
 Небо
 Воронья...
 Зачем ты, память,
 Стон души хоронишь,
 В предсмертном мне
 Бессмертье хороня!..
 Не зажжена свеча!
 Стакан не поднят.
 Романтика –
 Особый род вины.
 Опомнись, помолись:
 Они уходят,
 Уходят
 Безымянные
 Сыны:
 Идут через норильские ухабы
 В безмолвное ничто
 Издалека
 Транзитные берлинские этапы,
 Безвестные
 Советские
 Зэка.

* * *

Кто вы, взметенные бредом,
 Вольнолюбители пут?
 Счастлив, что вами я предан
 В прошлом недавнем и тут.
 Слизкая мертвая тина –
 Вера ли,
 Родина ль,
 Мать? –

Ах, да не все ли едино,
 Что и кому продавать?
 Босх вас узрил,
 Не да Винчи.
 Жлобья родила дыра.
 Ленина
 Продали
 Нынче.
 Господа Бога
 Вчера.

* * *

Все мы в боли
 Невольники воли.
 Груз иной я влачу, горюны:
 Разрывное неистовство доли –
 Неразрывное
 Чувство вины.
 Мог ли знать я злокозни и мели
 Государства
 Без опыта, в миг?
 Устремленье к единственной цели
 Всех ведет
 Поголовно
 В тупик.
 Возвратился - в чем сила осталась?..
 Но и нынче не легче, ей-ей!
 Садит главным калибром усталость
 По разгромленной
 Жизни моей.

ОКРУЖЕНЦЫ

Сергею Донцу

Налей-ка, друг
 За Дон, за Днепр, за Оршу,
 За тех, кто там...
 За слезы в ковыли.
 Я знал, что дальше в жизни
 Будет горше.

Молчи, живую боль не шевели.
 Налей за ухайдаканность окраин,
 За связей новых
 Тлеющую нить.
 Мы часть народа.
 А народ бесправен
 И тут ему
 Себя –
 Не нас винить.
 И убежденно говорю уже я:
 Нам лично
 Эта лямка – до конца.
 Будь вражье –
 Мы бы смыли окруженье!
 Но здесь –
 В кольцо пробьешься из кольца.

ЧТО СКАЖУТ О НАС

Приюти,
 Мать-отчизна,
 Обращаюсь к тебе,
 Всех, кто сбился в пути,
 Кто сломался в судьбе.
 Погляди мне в лицо –
 Мы твой страшный полон:
 Дети мертвых отцов,
 Тени черных колонн.
 Безымянные хоры,
 Мы уходим, скользя,
 В те края, из которых
 Возвратиться нельзя...

* * *

Колыбельную, век,
 Панихидную спой,
 Не могу –
 Планетарный разбой
 Предо мною: вот я на снегу
 Босиком,

Собачонкой в пеньковой удавке тоски
 Ледяной-слюдяной,
 Словно окнышки изб хуторских,
 Изувеченной массой
 К замершему солнцу:
 «Согрей!» -
 Обращаюсь беззвучно
 Через мерзлоту лагерей!
 Годы. Лица.
 Память чаще туманит очки...
 Палачи и зэка той поры –
 Веком сплюснутые старички.
 А вон там – это я
 Наползаю на скользкий от крови паром
 С перебитой душою,
 Под Харьковым,
 В сорок втором.

В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ

Глебу Сопину

Мне страшно: а вдруг я неволю
 Живущих живым сострадать?
 Я жалуюсь
 Белому полю,
 Чтоб голос мой слышала мать:
 «Мне холодно, мама,
 Я стыну!
 Мой голос звучит или нет?»
 Торжественно. Людно. Пустынно.
 Ни слова, ни звука в ответ.
 Россия, родимая, стыну.
 Метелит в бурьяне былье.
 И в снежную тонет пустыню
 Прощальное
 Слово мое.
 Бессмысленно-медленно стыну.
 И нет многолюдью конца.
 Убитому

Жалуюсь
Сыну
На участь
Живого отца.

ЭПОХА И СУДЬБА

Кем мне считать себя,
Больная честь?
И честь сказала:
«Всем, таким как есть:
Нет разницы –
Последний или первый.
Пособником.
Преступником.
И жертвой.
Одна эпоха. И судьба одна.
Ты болен тем же,
Чем больна страна».
Кем надо быть,
Чтобы, любя страну,
Вогнать ее в гражданскую войну:
В разор,
В позор,
В разгул,
В братоубой!
И славу петь
Расправе над собой?!
Кем надо быть
Народу самому,
Чтоб называть
Свободою
Тюрьму?
И восторгаться подвигом –
Казня! –
Героикой,
Которая
Резня...

* * *

Пусть сядет пыль забвенья.
 По крупице
 Прах массовый сравняет берега.
 И если думая,
 Не торопиться,
 Поймем –
 Мы для себя
 Страшней врага.
 Я нависал
 Над красной
 Бездной
 Века.
 Мне внятен голос донного метро:
 «Не ВЧКа
 Стреляла
 Человека –
 Народный
 Зверь
 Свое
 Сжидал
 Нутро.
 Народный век –
 Миф нищих и калек.
 Народ – опасен!
 Человек - прекрасен.

* * *

«Возлюби врага своего»
 Под песий вой,
 Под шайки гимн
 Прошел я, обществом гоним
 И Родиной гоним.
 Треть жизни шел к себе домой,
 Не понимал, что дом не мой,
 Что сам не свой
 И не моя
 Семья! –
 Жена и сыновья...

Ушли
 И свержены враги.
 В таежный вал огня
 Я крикнул другу: помоги!
 Друг
 Выстрелил
 В меня
 За тяжкий груз моих обид,
 За «нелюбовь к стране»,
 Которой
 Сын
 Мой
 Был
 Убит
 В сегодняшней войне.
 Я от твоих державных лоз
 Ослеп, страна, ослеп.
 Все выпил, что тобой далось,
 Глотая с прахом хлеб:
 И окруженцем, и в бою
 Прожил рабом в родном краю,
 Как у господ слуга...
 За тыл барабанный,
 За войну
 Родную возлюбил страну --
 Как своего врага.

* * *

Гляжу вокруг --
 В снежинках млечных лица.
 Во сне идут.
 Врачуют сны людей:
 Богатым -- рай,
 Голодным -- пища снится,
 Толпе -- волхвы.
 Ущербным- бред идей.
 Такие мысли на странице белой.
 Пока пуста --
 Ни света в ней, ни тьмы.
 Былое проклинать -

Пустое дело.
Все в нас самих.
Россия –
Это мы.

* * *

«Стой...
Че-ло-век...»
Застыл я, не дыша.
Ржавь проволоки,
Пихты да березы.
Я сдвинул камень –
А под ним – душа.
Прильнул к травинкам –
Зазвенели слезы.

* * *

Нет, это не я
По-военному дерзок и юн!
Ровно полвека уже
От того отшагал поворота.
Судьбы моей дюны,
Вовек мне не выйти из дюн.
А годы
Уходят, как в воды
Погибшая рота.

* * *

Год откочевал
Остатком суток.
Через перевал мой путь уже:
Безголосо.
Спит в квартире сумрак.
Я не сплю.
Безлиственно в душе.
Остроту теряют постепенно
Боль непониманья,
Бунт и быт,
Чувство заключенности и плены,
Родины,
Бесчестья и обид.

* * *

Засыпаю.
 И слышу погонь
 Обеззвученные грозопады.
 Голос:
 «На пораженье – огоны!»
 Тусклый карцерный отблеск лампады.
 Треть страны под свинцовой волной,
 Пол-России
 С клеймом каталажки.
 Мы пришли и уходим с войной,
 С черствой пайкой,
 В державной упряжке.
 Через триплексы смерзшихся век,
 Над равниной без края и брода
 Вижу: падает траурный снег
 Безразличный,
 Как память народа.
 С колыбели до смерти вина–
 С произволом Закона,
 С разором.
 На казенной стене имена
 Нашей кровью...
 И взрослым позором.

* * *

Страной увеченный и битый,
 Живу, сегодняшний изгой.
 Среди совсем других событий,
 В другой державе,
 Сам другой.
 Средь мирных дел,
 Жильцов и комнат,
 Где – тихо, сердце, –
 Не скули! –
 Нас не забыли
 И не помнят,
 Нас просто
 Смазали с земли.

ОТ ИМЕНИ ПОКОЛЕНИЯ

Не тяжко мне:
 Был я отцом и сыном.
 Земной мой путь -
 Сплошной прощанья час.
 «Всего!» – шепчу
 «Спецам» и «пересыльным»,
 Опальным сострадать не разучась!
 Бог знает, как живу.
 Дышу рывками.
 Прошу вас, словом кратким и простым:
 Все меньше нас,
 Покайтесь перед нами,
 Убийцы наши.
 Мы вам все простим...
 Кого зову я
 Каяться в грехах?..
 Рожают в спешке.
 Режут впопыхах.
 Закон преступен –
 Общество калека:
 Лупасят нас во благо
 И любя!
 Уходим мы возмездьем
 Злого века,
 Оставив
 Тьму
 Проблем
 После себя...

ПОЗНАНИЕ

Где грань твоя духовная, Россия?
 Народ бандитствует –
 Когда закон в бессилье.
 Ослаб народ –
 Пойдет наоборот...
 Я знал тебя, отчизна,
 Всякой, разной:

Шизофреничной
 В пятилетках казней!
 Под карлика
 Кавказского духана
 Ложащуюся
 Мстительно и пьяно...
 Этапной,
 Погибающей в бою!
 Трагично. Больно.
 Стыдно. Окаянно
 Глядеть на доблесть
 И на честь твою.

УШЕДШИМ И УХОДЯЩИМ

Мише Берковичу

Чернокупольный взрыв,
 Словно парус,
 Накрывал нас над ярусом ярус
 В поездах, на горящих вокзалах
 Смертно в детстве
 От жизни усталых..
 На базарах
 За хлебный запах,
 По телятникам в дальних этапах
 Юшкой красною нас ублажали –
 В тундру ягельную обряжали.
 Средь живых мы ни с кем не равны:
 Ни надгробьям,
 Ни биркам не верьте!
 Колесованы массой страны,
 Мы ползли по земле
 Не в бессмертье.

* * *

Сидел у окошка.
 Глядел в гололедную завязь.
 Вдруг мысли хлесть-на-хлесть
 Уродливым скользом по льду:
 Повеяло детством и ужасом,
 И показалась –

Какими путями! –
 Метель в предвоенном саду...
 Прикрыла воронки
 Разгонюю беглою мретью.
 И в сердце вернулся веселый,
 Не бомбовый гром!
 Но круто запахло
 Наркомовской пайкой и смертью
 И горькой победой
 Под Харьковом
 В сорок втором...
 Шагали, как беженцы, печи.
 Снега парусили.
 Багряные выстрелы,
 Словно бинты на ветру.
 И молча вставала
 Живая
 Над мертвый
 Россия,
 Чтоб в сердце моем согреваться,
 Пока не умру.

ДУХ НАШ

Дух наш выпестывался горем,
 В нем прозревая красоту,
 Отыщем жертву,
 Крест спроворим,
 Распнем, чтоб видеть за версту.
 А после спьяну в красной луже
 Потопим совесть, мысль и честь.
 К нам не подходит:
 «Лучше, хуже...»
 Такие мы, какие есть,:
 Кресты меняя и медали,
 Не видя свяности в гербах,
 Бредем в сиятельный дали
 С кровавой пылью на губах.
 Россия любит страшно, страстно!
 Цвет у любви – не млечный след.

Тут смертным уповать напрасно:
 Любви к живущим
 Места нет.
 В младенчестве простясь с отцом,
 Я стал
 К трагедии лицом.

ОБЕЛИСКИ

От себя голова поседела.
 Соучастем других не дури:
 Я б сегодня
 Под дулом не сделал,
 Что бездумно вчера натворил.
 Чьим восторгом шалел,
 Словно бредом?
 Не своей правотой принимал...
 Забывал,
 Где ударил, где предал,
 Поглупев от чужого ума.
 Доброта ли, любовь - показуха!
 Глубоко безразличен ко всем.
 Потому-то и в глотке не сухо -
 То в соленой, то в горькой росе.
 Только нет,
 Не оглох я от быта.
 Мне и мертвому боль суждена.
 Кем-то, может,
 Но мной не забыта
 Ни своя, ни чужая вина.
 Где-то мы от родимых и близких
 Ради мест призовых отреклись,
 И глядят сквозь снега обелиски
 С болевой
 Напряженностью лиц.

* * *

*Моим родимым –
Леночке с Вадимом*

Бой глуше. Дальше. Стороной.
 Я обречен державной кликой
 Беззвучно плакать
 Над страной
 В период гласности великой.
 Все больше павших и калечных.
 Все громче слава о войне.
 И страшно то,
 Что страх во мне
 Истлел.
 Испеплился.
 Навечно.
 К тому и шли, мечту веков
 Осуществив впервые в мире!
 Дым разнесло, в державном тире –
 Ни белых, ни большевиков.
 Кто устремился к грабежу,
 Кто – к ностальгии о тиране.
 Прижав ладонь к тяжелой ране,
 На бруствере один лежу.
 Мне, отшагавшему в строю,
 Сценарий ясен:
 Враг дал деру.
 Приспело время мародеру –
 По душу смертную мою.

* * *

Не к мести и не к примиренью,
 Таинственно освещена,
 Зовет меня в степь за деревню
 Полуночная тишина.
 Зачем?
 Если в память –
 Не надо.
 Судьба моя в прошлом проста,
 Как холмик

Средь мертвого сада
Без памятника и креста.

* * *

Ой – по полю
За балки, за спуски
Рвется эхо
И плачет по-русски.
Бьется эхо землею горячей,
Долю
Во поле
Ищет незряче.
Не тужи, не ходи
Круг за кругом,
Не дано тебе
Встретиться с другом:
Стал он ветром,
Полынью, прохладой.
Не тревожь его, нежность,
Не надо.
«Где ты долюшка?
Где и какая?»
Ходят дети,
Отцов окликая...
Плачет дождик
По ярови-
Синий!
По России.
По всей по России.

* * *

Дорогие, дорогие
По несчастью, по судьбе,
Мы уйдем –
Придут другие.
Что оставим о себе?
Что оставим
Новым стаям?
Стежки. Сумерки. Мостки.

Паутинки смеха. Эхо
В сердце зябнущей тоски.

* * *

Запеклось? Замелось? Не забылось!

Ни о чем забывать не хочу.

Из сиротского детства в немилость

Я шагнул,

Присягнув палачу.

Злая память, взведенная мина,

Не взлететь мне с тобой,

Не упасть.

Прежде думал, что в бойне повинна

Самосудной –

Советская власть.

Что ни лидер –

Моральный калека.

Ни концов не найдешь,

Ни начал.

Все мы здесь самосудчики века:

Ты держала,

Я бил, он молчал.

Откровенья приходят в финале-

Путь под страхом трагично-непрост!-

Не враги нас в тупик загоняли.

Мы друг друга вели на помост...

Быль состарилась.

Явь задымилась.

И у хлопчика из слободы

Сохранились, как высшая милость,

От гвоздей

Сквозь ладони следы.

По отечественному тридорожью –

В свисте сабель, удавок и пик

Мы промчались по замыслу Божью

И пропали, что мал, что велик:

В доносительстве-

В гонках за новью!-

Не осмыслили грех до конца,

Души наши заляпаны кровью.

Заросли всезабвеньем сердца!
 Лихомотья мои.
 Лихолетья.
 Самоказни. Зачистки. Бои.
 Я пишу на страницах столетья
 Болевые раздумья свои.

* * *

Уйду,
 Когда невмоготу
 От сонных улочек и улиц,
 В труде поденном испытых,
 От хворых умников и умниц,
 От странно грешных и святых...
 От затемненной жизни нашей:
 От брани, пьянства,
 От атак,
 От вечно грустных персонажей -
 Калечно
 Плящущих
 Не в такт.

* * *

За потраву души на корню –
 Юность пеплом мело в обелисках –
 Не люблю, не кляну, не браню
 Никого, ни знакомых, ни близких.
 Ничего я у вас не просил.
 Волей вашею был колесован.
 И одышливо падал без сил
 У глухих
 Безъязыких часовен.
 Чуть фонарик надежды мигнул
 В темно-кровной общественной стуже,
 Я бежал от удушья в загул
 И отпив, возвращался к тому же.
 Нет в душе моей солнышка,
 Нет.
 Нет в ней места для певчих-пернатых.
 Затопил меня свет

Желтых мет:
 Свет бойниц, свет темниц,
 Интернатов.
 Сбоку, спереди, в профиль, анфас
 Ослепляюще резок, неистов!
 А вокруг
 Воспитатели масс
 С правотой тыловых особистов.

* * *

Плакун-трава
 В заросших межах.
 Глазами к стенке –
 Образа.
 Очаг мой отчий –
 Дом приезжих.
 Цветет кукушкина слеза.
 Над безразличья океаном,
 От глумы массовой спеша,
 Куда ты дальше
 Курсом рваным
 Спешишь одышливо, душа?
 Печален брег –
 Безлюден берег.
 В угоду «Мы»
 Исчезло «Я».
 Испечь мой след
 В твоих потерях,
 Отчизна темная моя.

* * *

Ирреальность? Память боли –
 Голоса со всех сторон...
 Шум бессмертников во поле
 Источает
 Желтый
 Звон.
 Перепуталось, что было:
 Слезы, говор струн, вино –
 За живое отступило,

Мглой забвенья сметено.
 Будто я в тумане раннем
 От себя к себе иду
 По больным воспоминаниям –
 По тоненькому льду...

* * *

Мысль горькая,
 Куда мне с нею?
 Гляжу в ошметки лет и дней:
 Чем затемненней –
 Тем яснее,
 Чем непонятней –
 Тем умней...
 Во сне воюем, в храме ропщем –
 Судьба?
 Усталость?
 Эгоизм?
 Вновь трансплантируем
 Усопшим
 Себе
 Лишенный смысла «изм».
 Без воли тяжко.
 Воля – драка.
 Бедой мы объединены:
 Колючкой ржавой у барака,
 Самопогибелью войны.
 Бегут хозяева, туземцы,
 Кто навсегда,
 Кто с ночевой.
 Переселенцы, поселенцы...
 Россия – табор кочевой.

* * *

Саше Сидельникову

Не вой, мое сердце,
 При жизни не будет привала.
 Нас добрые мамы
 Затем и рожают на свет,
 Чтоб властная клика

На наших костях пировала.
 Выходит, другого
 У нас назначения нет.
 Живем – не живя:
 Не пожив, не дожив, умираем!
 Брат зверем на брата.
 С семьею враждует семья.
 Ты проклял нас,
 Господи,
 Стать замордованным краем?
 Во имя чего
 Пропадают твои сыновья?!
 Но дикую в злобе,
 Родную свою
 И туземью,
 Богатую, нищую,
 В вере слепую тебя,
 Больную, хмельную,
 Треклятую, милую землю
 За все, до удушья,
 До спазм
 Ненавижу,
 Любя.

* * *

Иду по закатному полю.
 Приучен к побоям, к ярму.
 Меняю напасть на недолю.
 Свет – на пустословную тьму.
 Эмблему, кокарду, одежду...
 Столетьями так.
 Почему
 Меняем ханжу на невежду –
 Не учит нас мир ничему:
 Россия. Снега. Занавески.
 Безлюдна дорога. Пуста.
 Но гордо мычат
 По-советски
 Зашитые болью уста.

* * *

Зачем это было:
 Пожары лесами,
 Герои, рубаки!
 С оскалами люди.
 Но плачут собаки
 Людскими слезами,
 И белая злоба,
 И красная злоба,
 Всеобщая злоба
 Запойно и гордо
 Мычала двугорбо
 У общего гроба.

* * *

Память-
 Тень –
 Слепая птица...
 Стар я, болен, одинок.
 Тянет сердце возвратиться
 До Победы
 На денек!
 Нет, не плачу я, не плачу.
 Это там, в груди, в глухи
 Одиноко стонет кляча
 Дико загнанной души.
 На чужбинной стороне
 Пусто жить
 Досталось мне.

ОПЛАТА СТАРЫХ ВЕКСЕЛЕЙ

Нечем думать.
 И веровать нечем.
 Отблеск соцреализма угас.
 Новый век,
 Опускаясь на плечи,
 Индевеет от вымерших нас.
 К небу,
 В землю –

Землистые лица.
 Церковь в куреве снежном,
 Как член.
 Вздеты руки –
 Крушить ли, молиться?
 Но кого?
 Но кому?
 Но о чем...

* * *

Мысль рвется между берегов
 О вечном, нынешнем, о прежнем:
 Зачем плодим себе врагов,
 А победив,
 Друг друга режем?
 Все в нас до капли наши беды:
 Где чисто было –
 Хляби, грязь.
 В постель ложимся для победы
 И хлеб едим,
 С врагом борясь!..
 Нам – как под солнышком росе –
 Конец
 В нейтральной
 Полосе.
 Гремя огнем и блеском стали,
 Победоносный
 Свой приют
 Пропили мы и просвистали.
 Враги давно
 Друзьями стали.
 И нам
 На нищенство
 Дают.

ГОЛОС

Нет спасенья от вспухшего тыла.
 Плотный зной дожирал лебеду.
 Страшно жизнеподобие стыло
 В сорок послепобедном году.
 Плач кочующий
 Не утихая,
 Стон вползая в предзакатный рассвет.
 Этот бабушкин вздох,
 Убегая,
 Буду слышать я
 Множество лет...
 Выжигает глаза дымной вехой
 Дом- могильник.
 Истопленный сад.
 Все мне слышится:
 «Дитятко... ехай...
 Не вертайся... кро-вин-ка...
 Назад...»

* * *

Проходит все:
 Тюрьма, чума,
 Война, державный мрак.
 Но не исчезнет
 Вечный враг –
 Услужливый дурак:
 При нем – граница на замке.
 И пайка – как металл.
 Он мне на русском языке
 Свой
 Приговор
 Читал.

МОСТ

И мысль горит,
 И жизнь течет,
 И есть у памяти
 Свой счет...
 В окопе,
 В карцерной глуши,
 Отплакав насухо,
 По-зверьи,
 Мы пропадали от безверья,
 От истощенности души.
 Страшась отцовского клейма,
 Сыны пойдут без биографий.
 От сына
 Отречется
 Мать,
 Ибо отрекшийся потрафил –
 Рассек связующую нить.
 Ни доли общей нет,
 Ни боли.
 Кого отрекшимся винить
 За четвертованную волю?
 Так народится гриб-гибрид,
 Зачатый страхом и пороком.
 И Мост Истории сгорит,
 Края обуглив
 Двум дорогам.

* * *

Благодарная чудо-страна!
 Шумный зов:
 «Разливай, чай не в гости...»
 А потом - свистопляс до рожна
 Под гармонь на вечернем погосте.
 Не напрасен ли путь –
 Так тяжел!
 Трижды
 Холод
 Вдыхал

Того света -
 В сверхзатменье
 Общественном шел,
 Чтоб поспеть в этот мир
 До рассвета.
 Так ли мыслилось?
 То ли сбылось?
 Ввысь - Россия.
 И в землю- Россия.
 Пласт к пласту -
 Под погостом погост.
 Воли - поле.
 И море бессилья.

БЕГА УСТАЛЫХ

Иные песни новой сплоткой
 Поют сегодня с суетой
 Не сердцем, не душой,
 А глоткой,
 Во имя мерзости святой.
 А по стране
 Бега усталых!
 Жизнь не сложилась -
 Мы теперь
 Снега в кочующих составах,
 Мятущиеся меж потерь.

* * *

На этом свете
 Все непоправимо:
 Любовь уходит,
 Жизнь проходит мимо,
 Бог весть, зачем она
 Была дана?
 Стань на ее итоговом пригорке,
 Простись со всем,
 И кубок ее горький,
 Наполненный тебе,
 Допей до дна.

* * *

Страна покорства и тиранства.
 Веков незыблемая муть:
 Из рабства -
 В бунт,
 Из бунта в рабство -
 Путь наш
 Российский,
 Тяжкий путь.
 Ни в чем его не упрощая,
 Не отрекаюсь
 До конца
 От вспышки встречи и прощанья,
 От грез
 Улыбок...
 В пол- лица.

* * *

Раздумий мгла.
 До стона сухожилий
 Влачу усталость,
 А не благодать -
 Мы за Россию
 Стольких уложили,
 Что уж самой России
 Не видать...
 Париж. Берлин.
 Победы.
 Даты.
 Числа...
 Мычим в уздечках новых
 Старый гимн,
 Живя в стране утраченного смысла -
 Не можем сами,
 Не даем другим.
 Студней память.
 Проступают зимы.
 От наших зим житейских
 Миф поблек.

Так тягостно мне,
Так невыносимо
От героизма
Нищих и калек!

* * *

Не все ль равно,
Темным-темно
Или белым-бело?
Да здравствует веселый смех!
Пускай скрипит под кожей снег
И сердце замело.
И слезы пил я,
И вино.
Шути, душа, шути
Над тем, что проклято давно,
Пред тем, что нам пройти дано
И над концом пути.

* * *

Подходит выстудь ноябрей.
Сил меньше.
Нет дороги санной.
Что нам осталось?
Быть добрей
До полосы
Последней самой.
Другие мы давным-давно.
Другая начата страница.
Двум одиночествам в одно
Пришла пора объединиться.

МГЛА ГЛАЗ

Ансамблей психических шквалы,
Мажорный общественный вой!
Таскают сударыни шпалы,
А судари хлещут в запой.
Мгла глаз.
Обезличены лица.

Мы – братья!
 Все ж выпало мне
 Вселенское счастье –
 Родиться
 В такой
 Величайшей стране!
 Нас тьма. Наша сила несметна.
 Прикажут –
 И все, как один,
 Повергнем
 Тиранов
 Посмертно
 И новых
 Живых создадим.

* * *

Нет слез
 Балтийских, русских, датских...
 Они одни на белый свет.
 Не трогайте могил солдатских:
 Средь павших оккупантов нет.
 Земных не оскверняйте дат.
 Храните небо голубое.
 Раскапывая прах солдат –
 Живым готовят поле боя.

* * *

Мне б на родину надо,
 Побродил по чужбинному свету.
 Так подумал и взвыл:
 Ради Господа
 Хватит вранья!
 Не трави свое сердце,
 Никакой такой Родины нету,
 Чтоб прикрыла собой
 От грохочущего воронья.
 И сегодня, сейчас
 Колочусь под бушлатиком черным.
 Все изгои земли,
 Вся российская смурь мне семья:

Зауральем дышу,
 С кососнежным пою Запечорьем –
 Каждым словом в строке
 Вызывая
 Огонь
 На себя.
 Мне на родину надо,
 За рощу, за церковь, за поле
 И у братских могил
 Створить свой последний поклон.
 Наши поиски воли
 Несут нам одни только боли.
 Россиянам
 Свобода –
 Что вольнорожденным полон.
 Дорогие мои,
 Мне не надо готовиться к смерти.
 Все на мне. Все со мной.
 Я к побегу в бессмертье готов.
 Испытал на себе
 Безразличие и бесприветье,
 Одиноко пройдя
 По безлюдью больных городов.

БАКУ

Перестрелки. Структурные страсти.
 Плотность тюрем, больниц и дорог.
 Рев цветов
 Бронетанковой масти.
 Стратегический дым под порог.
 Светскость. Серость.
 Угрюмость. Гrimаски.
 Мир играющий жуткую роль:
 КПП, камуфляжные каски,
 Денно-ночный над жизнью контроль!
 Горлопастое:
 «Руки! Не сметь!»
 Пахнет судорожь порохом, газом...
 И под жестким, под снайперским глазом

В небо – руки
 Бегущих на смерть.
 «Братья!» - рвущийся хрип, - устоим!
 Не ударят
 Свои по своим!»
 А в ответ:
 Тах-тах-тах,
 Та-та-та!
 По своим
 Поперек
 Живота.

МОЛЮСЬ ЗА ВАС

Все в прошлом,
 Проклятом.
 А близко
 Мой фотоснимок
 В профиль и анфас.
 Опричные бойцы
 Суда и сыска,
 Тюремщики, слепцы,
 Молюсь за вас.
 Под небом рваным,
 В трехбуранном поле
 Душа моя –
 Разгромленная весь.
 Здесь был лишен я
 Родины и воли,
 Но не лишен был
 Вволю плакать здесь!

ПОЛКОВНИКУ БУДАНОВУ

Войной
 Сменяется
 Война –
 Темны
 От зерен
 Черных

Всходы...
 Куда стремишься ты,
 Страна,
 С державным
 Знаменем
 Свободы?
 Года.
 Беда.
 Гробы в свечах.
 Судилищ диких –
 Полягоны!
 И на полковничьих плечах
 Гвоздьми
 Прибитые
 Погоны.

* * *

То ль плачу я,
 То ль дождь в мою сторожку,
 Бубнит, советую:
 Пора, дружок.
 Закуривай, бродяга,
 Козью ножку...
 И коли есть,
 Прими на посошок.
 Мир стал другим.
 О нас не стоит помнить.
 Все дети той поры –
 Одна семья.
 Умершим ветром
 Парус не наполнить.
 Водой живой
 Не повторить себя.

«СЕРГО»

Дымит «СО» по краю лета.
 Кряхтит на стыках заквагон.
 Любовь безгрешную
 Огонь
 Сожрет в снегах чужбинных где-то,
 Где в джунглях лагерного тыла
 За проклятую жизнь свою
 Я жаждал смерти
 Грязной, стылой,
 Тифозной, вшивой,
 Но в бою.
 Больней разлуки.
 Встречи реже.
 Уходим мы.
 Проходит тьма.
 За правду-матушку не режут
 И реже прячут в дурдома.
 Не говори:
 «Война была.
 Не вспоминай...
 Пройдут ненастья».
 И как слепой по орденам –
 Скользжу рукой
 По углам счастья.

МОЛИТВА

Спасибо, Господи, ты спас
 Меня от раболепья масс,
 От гостеррора - зверств людских,
 От государственной тоски,
 Пророчащих нетопырей,
 Отцеубийц,
 От лагерей,

От бомб, от пуль,
 От века спазм -
 От голосующих за казнь,
 От вынужд, что в сердце мне мели -
 Гослжи,
 Госпьянки,
 Госпетли.

* * *

В пилотке со звездой зеленою,
 В х/б, каленом, до бела,
 Я полз и плакал,
 В жизнь влюбленный,
 По роще, прахом запыленной, -
 Где рота смертная легла.
 Взошла луна,
 Роняя блестки
 Холодных рос
 В горючесть слез.
 Я на последнем перекрестке
 Встаю сегодня
 В полный рост:
 Солдатом, зеком и поэтом
 При двух,
 В гражданском,
 Понятых.
 Я ад прожил на свете этом,
 А рай -
 Оставим для святых.

* * *

В каком это будет году?
 Буранами,
 Яровью ль синей
 Я прежней Россией пройду,
 Представ перед новой Россией.
 Упрека не выскажу я,
 Свободный от плеток,
 От клеток.

Я клял тебя -
Раб пятилеток.
Я был им.
И жил не живя.
Привет тебе, век, исполать,
Приветь меня, вечного мима!
О чем не пришлось мне желать -
Все мимо:
Ни дома, ни дыма.
Бог с ним, двум смертям не бывать.
Успеть бы к родимой купели.
Не стоит меня отпевать.
Еще в колыбели отпели.
Дождями прибьет лебеду.
Домой,
Через степь,
По туману
В простор на закат я пойду
И степью туманною стану.

Содержание

Слезами омытая Русь	3
ПЕРЕДСВЕЧАМИ ТРЕМЯ	
Солдатам России	4
«Несуразностью жизни оболган...»	5
«Нас гваздали будни и беды...»	5
Пехота	6
«Все поросло плакун-травой...»	6
«Зачем я это вспоминаю?...»	7
«Звон погребальный над родимым кровом...»	8
«Кто вы, взметенные бредом...»	8
«Все мы в боли невольники воли...»	9
Окруженцы	9
Что скажут о нас	10
«Колыбельную, век, панихидную спой...»	10
В семье единой	11
Эпоха и судьба	12
«Пусть сядет пыль забвенья...»	13
«Под песий вой, под шайки гимн...»	13
«Гляжу вокруг – в снежинках млечных лица...»	14
«Стой... Че-ло-век...»	15
«Нет, это не я по-военному дерзок и юн!..»	15
«Год откочевал остатком суток...»	15
«Засыпаю. И слышу погонь...»	16
От имени поколения	16
«Не тяжко мне: был я отцом и сыном...»	17
Познание	17
Ушедшим и уходящим	18
«Сидел у окошка. Глядел в гололедную завязь...»	18
Дух наш	19
Обелиски	20
«Бой глуше. Дальше...»	21
«Не к мести и не к примиренью...»	21
«Ой – по полю за балки, за спуски...»	22

«Дорогие, дорогие по несчастью, по судьбе...»	22
«Запеклось? Замелось? Не забылось!..»	23
«Уйду, когда невмоготу...»	24
«За потраву души на корню...»	24
«Плакун-трава в заросших межах...»	25
«Ирреальность? Память боли...»	25
«Мысль горькая, куда мне с нею?..»	26
«Не вой, мое сердце...»	26
«Иду по закатному полю...»	27
«Зачем это было: пожары лесами...»	28
«Память - тень – слепая птица...»	28
Оплата старых векселей	28
«Мысль рвется между берегов...»	29
Голос	30
«Проходит все: тюрьма, чума...»	30
Мост	31
«Благодарная чудо-страна!..»	31
Бега усталых	32
«На этом свете все непоправимо...»	32
«Страна покорства и тиранства...»	32
«Раздумий мгла. До стона сухожилий...»	33
«Не все ль равно, темным-темно или белым-бело?..»	34
«Подходит выстудь ноябрей...»	34
Мгла глаз	34
«Нет слез балтийских, русских, датских...»	35
«Мне б на родину надо...»	35
Баку	36
Молюсь за вас	37
Полковнику Буданову	37
«То ль плачу я...»	38
«Серго»	39
Молитва	39
«В пилотке со звездой зеленою...»	40
«В каком это будет году?..»	40